ВОСПОМИНАНІЕ

О

Д. А. РОВИНСКОМЪ.

СТАТЬЯ

ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АКАДЕМІИ И. Е. ЗАБѢЛИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 2).
1896.

ВОСПОМИНАНІЕ

О

Д. А. РОВИНСКОМЪ.

СТАТЬЯ

ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АКАДЕМІИ **И. Е. ЗАБѢЛИНА.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 2).
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Май 1896. За Непремѣннаго секретаря, Академикъ *А. Карпинскій.*

ВОСПОМИНАНІЕ О Д. А. РОВИНСКОМЪ.

Статья члена-корреспондента Академіи **И. Е. Забѣлина** [1]).

Вспоминаю о томъ времени, когда впервые начинались ученыя работы Дмитрія Александровича, когда и мнѣ посчастливилось идти

---

1) Статья И. Е. Забѣлина была прочитана въ собраніи 10-го декабря вице-президентомъ Академіи, ординарнымъ академикомъ Л. Н. Майковымъ, который предпослалъ чтенію слѣдующія слова:

«Знаменитый нашъ археологъ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ-корреспондентовъ нашей Академіи, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, съ самымъ живымъ сочувствіемъ отозвался на ея приглашеніе принять участіе въ нашемъ сегодняшнемъ собраніи, посвященномъ памяти Дмитрія Александровича Ровинскаго. Иванъ Егоровичъ не могъ самъ пріѣхать изъ Москвы къ нынѣшнему дню, но — какъ пишетъ — поставилъ себѣ долгомъ прислать свои воспоминанія о чествуемомъ нами сегодня покойникѣ, которыя я и буду имѣть честь предложить Вашему вниманію.

«Воспоминанія Забѣлина не очерчиваютъ учено-художественной дѣятельности Ровинскаго во всей ея полнотѣ: это составитъ предметъ другихъ сегодняшнихъ чтеній. Но Забѣлинъ и Ровинскій принадлежали къ одному поколѣнію, къ тѣмъ людямъ, молодость которыхъ протекала въ Москвѣ за полвѣка предъ симъ, когда тамъ высоко поднялась русская мысль, направленная преимущественно на изученіе русской старины и народности. И Забѣлинъ, и Ровинскій рано примкнули къ этому движенію, и еще съ тѣхъ поръ ихъ соединила тѣсная дружеская связь, основанная на общности ихъ умственныхъ, ученыхъ интересовъ и на любви къ розысканію и изслѣдованію памятниковъ русской бытовой и художественной старины. Какъ возбуждался этотъ интересъ въ Ровинскомъ, какъ онъ удовлетворялъ ему спервоначала и какъ выработывалъ свое ученое подвижничество, — вотъ объ этой-то ранней порѣ его развитія Забѣлинъ и пожелалъ дать свидѣтельство очевидца. И нѣтъ сомнѣнія, его искренній и воодушевленный разсказъ составитъ драгоцѣнную страницу въ жизнеописаніи человѣка, котораго знанія, энергія и любовь къ дѣлу оказали столь великія услуги исторіи русскаго искусства».

съ нимъ, такъ сказать, рука объ руку въ нашихъ археологическихъ странствованіяхъ по Москвѣ и, близко-далеко, подъ Москвою, съ цѣлями изученія всякихъ достопримѣчательностей, въ особенности нашей старины и древности.

Мое знакомство съ Дмитріемъ Александровичемъ началось осенью 1844 года въ домѣ его матушки Анны Ивановны, когда онъ тѣмъ лѣтомъ только что пріѣхалъ въ Москву на службу въ сенатъ. Его сестры, Марія и Елена Александровны, воспитывались вмѣстѣ съ моею женою въ Екатерининскомъ институтѣ, и потому мы были приняты въ этомъ домѣ семейно. Въ первое время наши отношенія были, такъ сказать, оффиціальны. Въ то время, да и послѣ, онъ вообще избѣгалъ *чужихъ*, то-есть, избѣгалъ лишняго, ненужнаго, безполезнаго знакомства. Однако, мало по малу живые разговоры и споры, главнымъ образомъ о предметахъ искусства во всѣхъ его видахъ и формахъ, сблизили насъ очень дружелюбно, особенно на другой же годъ, когда я переселился въ сосѣдство Ровинскаго къ Покрову въ Левшинѣ, очень близко отъ дома его матушки, и донынѣ, хотя и въ передѣлкѣ, существующаго противъ самой церкви Успенія на Могилицахъ. Это доставило мнѣ возможность видѣться съ нимъ довольно часто. Тутъ и начались нескончаемыя наши бесѣды о любимыхъ предметахъ.

Онъ тогда погружался въ собираніе гравюръ и посвящалъ меня во всѣ достоинства первоначальныхъ оттисковъ, за которыми онъ охотился съ величайшею неутомимостью и ретивостью, при чемъ на пріобрѣтеніе рѣдкой, единственной въ своемъ родѣ гравюры не жалѣлъ никакихъ денегъ и выслѣживалъ ее иногда очень долгое время. Его радости и восторгамъ не было конца, когда удавалось купить или вымѣнить какую-либо рѣдкостную гравюру. Нельзя было доставить ему ничего болѣе пріятнаго, какъ указать, гдѣ находится хорошая гравюра, или у кого хранится особая коллекція такихъ гравюръ. И тогда уже меня восхищала эта типичная черта его характера, эта необычайная страстность, беззавѣтная рѣшимость — взявши въ руки любимое дѣло или предметъ изученія, изслѣдованія, наблюденія, проводить его къ желанной цѣли безъ малѣйшихъ колебаній, не смотря ни на какія препятствія и препоны, настойчиво устраняя и побѣждая всякія затрудненія.

Въ то время я служилъ въ Оружейной палатѣ и работалъ въ ея

драгоцѣннѣйшемъ архивѣ, добывая свѣдѣнія для исторіи царскаго быта XVII столѣтія, а стало быть, и для исторіи разлпчныхъ русскихъ художествъ, такъ какъ обстановка древней царской жизни вызывала весьма широкую художническую дѣятельность. Очень понятно, что у кого что̀ болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, и потому въ нашихъ бесѣдахъ съ Дмитріемъ Александровичемъ большое мѣсто заняли старыя русскія художества, тѣмъ болѣе, что передъ нашими глазами находилась замѣчательнѣйшая ихъ сокровищница — Оружейная палата. Это хранилище и послужило, такъ сказать, мостомъ, по которому Дмитрій Александровичъ легко и незамѣтно перешелъ въ своихъ изысканіяхъ прямо къ русской старинѣ. Однако, въ первую пору особенное вниманіе онъ обращалъ на памятники западнаго искусства, каковы были хранимые въ Оружейной палатѣ нѣкоторые предметы изъ старой царской посуды, поднесенные царямъ въ даръ отъ иностранныхъ государей. По этому поводу пошли разговоры и копотливыя справки (и всегда непремѣнно справки) и о Бенвенуто Челлини, и обо всемъ западномъ мастерствѣ этого рода, объ изящной чеканкѣ и рѣзьбѣ различныхъ изображеній, которыя въ извѣстномъ отношеніи не такъ далеко были и отъ изящныхъ гравюръ. Затѣмъ являлось на обсужденіе и древне-русское мастерство.

Само собою разумѣется, что отъ Оружейной палаты до другихъ хранилищъ, до соборовъ, церквей, монастырей было уже недалеко. И вотъ такимъ образомъ вскорѣ начались наши постоянные походы по соборамъ, церквамъ и монастырямъ и въ подмосковные боярскіе дворцы, всюду, гдѣ только находилось что̀ посмотрѣть и поизучить.

Эти походы, близко и далеко, неотмѣнно совершались всегда по образу пѣшаго хожденія, потому что оба мы, въ силу личныхъ привычекъ и небогатыхъ обстоятельствъ, должны были предпочитать спартанскій образъ жизни аѳинскому. Дмитрій Александровичъ употреблялъ всѣ свои достатки, въ первые годы еще не весьма широкіе, на пріобрѣтеніе рѣдкихъ гравюръ, для которыхъ не жалѣлъ никакихъ затратъ. Для собственнаго лица, въ родѣ всяческой обстановки, начиная съ костюма и оканчивая обстановкою жилой комнаты, онъ былъ до крайности скупъ. Онъ никогда не былъ тѣмъ, что̀ называется *баринъ* или *баричъ*, какъ было бы свойственно его воспитанію и семейному положенію. Совсѣмъ не было замѣтно въ немъ этого отпечатка дворянской культуры. Въ своихъ воззрѣніяхъ, сим-

патіяхъ и антипатіяхъ онъ былъ полнѣйшій реалистъ, то-есть, человѣкъ непосредственнаго дѣла, человѣкъ суровой работы, чуждый изнѣженныхъ формъ жизни, чуждый всякой сентиментальности, всякой фразы и въ мысляхъ, и въ поступкахъ. Простота и неприхотливость его домашняго быта были образцовыми, можно даже сказать, суровыми. Это былъ въ буквальномъ смыслѣ простой работающій труженикъ по всей своей обстановкѣ. Онъ жилъ въ небольшихъ двухъ комнаткахъ въ мезанинѣ матушкина дома, не совсѣмъ просторнаго, выстроеннаго по обычному въ Москвѣ старозавѣтному дворянскому типу. Обстановка его верхняго жилья не оставила у меня въ памяти никакихъ другихъ предметовъ, кромѣ массы книгъ по исторіи искусства и большихъ и малыхъ папокъ съ гравюрами. Не помню какой-либо особой мебели или чего-либо подобнаго.

Итакъ, и въ близкія, и въ дальнія, и въ очень далекія мѣста отъ Москвы мы всегда ходили пѣшкомъ. Дмитрій Александровичъ велъ хотя очень короткій, но обстоятельный журналъ нашимъ походамъ, отчасти съ сатирическимъ направленіемъ, записывая все, что случалось въ дорогѣ курьезнаго. Для осмотра достопамятностей онъ составлялъ предварительный перечень всего, что можно было найти въ извѣстныхъ печатныхъ источникахъ. Въ первое время онъ охотился больше всего за произведеніями въ собственномъ смыслѣ художественными, каковы были надгробные мраморы въ нѣкоторыхъ московскихъ монастыряхъ, затѣмъ мраморы и картины въ Шереметевскихъ дворцахъ Останкина и Кускова и въ Юсуповскомъ дворцѣ въ Архангельскомъ. Мало по малу къ этому присоединилась и церковная археологія, иконы, стѣнопись, различная церковная утварь и самыя зданія храмовъ. Слѣдуя извѣстной системѣ Ходаковскаго, мы разыскивали и древнія городища, а также курганы.

Надо при этомъ упомянуть, что, кромѣ археологическихъ цѣлей, наши неутомимые походы вызывались и обыкновенною у молодыхъ людей страстью къ путешествіямъ, а въ сущности горячимъ чувствомъ къ природѣ. Поэтому, какъ только наставали весенніе теплые дни, какъ только показывалась въ поляхъ зеленая травка, мы уже волновались и тотчасъ собирались въ путь, чаще всего въ Кунцово, иногда въ Коломенское и въ другія мѣста поближе. Помню, что одинъ изъ такихъ походовъ, по случаю ранней весны, состоялся 23-го марта. Въ лѣтнюю пору, въ праздничные дни, пользуясь свободой отъ слу-

жебныхъ занятій, мы предпринимали и болѣе далекіе походы въ извѣстные подмосковные монастыри, на Угрѣшу, въ Екатерининскую пустынь, въ Берлюковскую пустынь, въ Саввинъ монастырь, въ Новый Іерусалимъ, къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. Нерѣдко въ этихъ странствіяхъ сопутствовалъ намъ Николай Дмитріевичъ Ахшарумовъ.

Въ 1847 году мы порѣшили сдѣлать походъ въ Ростовъ Великій, который привлекалъ насъ своею древностью. Къ тому же, на пути послѣ Троицы лежалъ другой древній городъ, Переяславль Залѣсскій, съ своимъ знаменитымъ озеромъ, первоначальнымъ мореходнымъ поприщемъ для Петра Великаго.

12-го іюня, взявши служебные отпуски, мы отправились втроемъ съ братомъ Дмитрія Александровича, Николаемъ Александровичемъ. Отправились налегкѣ, какъ въ обычную прогулку верстъ на 15 или на 20, безъ всякихъ саквояжей, безъ всякой ноши, въ самыхъ простыхъ лѣтнихъ костюмахъ, только съ запасомъ бѣлья и чаю. Для необходимыхъ расходовъ мы сложились по пяти рублей на брата. Предварительно, по общему совѣту, Дмитрій Александровичъ написалъ уставъ для нашей экспедиціи, въ которомъ между прочимъ стоялъ параграфъ, что если кто изъ членовъ въ дорогѣ начнетъ жаловаться на усталость, а тѣмъ паче если не захочетъ идти пѣшкомъ и пожелаетъ ѣхать на лошадяхъ, тотъ уплачиваетъ въ общую кассу штрафъ въ три рубля. Положено было также дѣлать въ день не менѣе 30 верстъ, но мы дѣлали и по 40 верстъ.

Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ этомъ пѣшеходномъ дѣлѣ, Дмитрій Александровичъ уловилъ надобный порядокъ въ дѣлѣ. Онъ понялъ, въ чемъ сила продолжительной ходебной техники, и усвоилъ себѣ тотъ пріемъ ровнаго и спокойнаго шага, который всегда избавляетъ отъ излишней усталости, а потому передъ нами Дмитрій Александровичъ всегда оказывался выносливѣйшимъ ходокомъ. Если и болѣли у него ноги, такъ онъ, согласно уставу, никогда объ этомъ не упоминалъ, а мы, дойдя до города Петровска, 27 верстъ отъ Ростова, измученные, заныли и рѣшили было на другой день ѣхать на лошадяхъ, за что̀ и поплатились штрафомъ.

Этотъ походъ продолжался 14 дней и былъ проведенъ съ большими и очень суровыми лишеніями. Въ теченіе двухъ недѣль мы только четыре раза обѣдали какъ слѣдуетъ. Въ остальные дни мы питались только чернымъ хлѣбомъ, зеленымъ лукомъ и деревенскимъ

квасомъ „выдери глазъ“. Былъ Петровскій постъ, и мы постились лучше монаховъ. Въ деревняхъ ничего нельзя было достать, кромѣ упомянутыхъ припасовъ. Зеленый лукъ, какъ мы замѣтили, очень намъ помогалъ, доставляя крѣпость и бодрость нашимъ силамъ въ ходьбѣ. Это былъ походъ въ полномъ смыслѣ солдатскій. Останавливаясь у рѣчекъ, мы въ уединеніи купались, а кстати собственными руками мыли свое бѣлье и потомъ на ходьбѣ сушили его, неся на палкахъ.

Сила необходимости, сбереженіе времени, неуклонное стремленіе къ намѣченной цѣли, все это заставляло насъ испытывать всякія лишенія, о которыхъ однако мы никогда и не помышляли, что это были именно лишенія. Мы встрѣчали ихъ какъ самое обычное дѣло въ нашихъ странствіяхъ. И съ какимъ удовольствіемъ послѣ мы вспоминали объ этихъ лишеніяхъ. Дмитрій Александровичъ часто говаривалъ, что такими походами мы запасли себѣ здоровья на многіе годы.

Путешествуя по далекимъ и близкимъ загороднымъ мѣстамъ, мы очень часто посѣщали и Дѣвичье поле, то-есть, Михаила Петровича Погодина, которому Дмитрій Александровичъ по своему родному дядѣ М. И. Месингу приходился двоюроднымъ племянникомъ. Здѣсь мы всегда находили радушный пріемъ и широкое поприще для бесѣдъ о нуждахъ и цѣляхъ изученія русской старины и древности. Михаилъ Петровичъ самъ уже обладалъ довольно значительнымъ древлехранилищемъ, которое притомъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Въ то время хранилище Михаила Петровича обогатилось пріобрѣтеніемъ бумагъ стараго академика Штелина, которыя онъ поручилъ разобрать Дмитрію Александровичу. Этотъ разборъ доставилъ Дмитрію Александровичу богатый матеріалъ для исторіи Академіи Художествъ, какъ и для исторіи русской гравюры. Кромѣ того, въ тѣхъ бумагахъ Дмитрій Александровичъ сдѣлалъ важныя открытія и относительно документовъ особо важнаго историческаго содержанія.

Такъ шли дни за днями въ постоянныхъ и, можно сказать, напряженныхъ исканіяхъ не только новыхъ рѣдкихъ гравюръ, но и всевозможныхъ свѣдѣній по исторіи искусства, въ особенности русскаго. Съ своей стороны и у меня наконлялось не мало архивныхъ свѣдѣній о тѣхъ же русскихъ художествахъ за XVII столѣтіе. Съ обѣихъ сторонъ накопился значительный запасъ матеріаловъ. Обозрѣвая при этомъ

печатные источники, мы видѣли, какъ вообще бѣдна русская научная литература по исторіи искусства не только оригинальными, но даже переводными сочиненіями. И вотъ сама собою у насъ народилась мысль, что было бы очень полезно издавать повременно сборникъ матеріаловъ для исторіи искусства вообще и русскаго искусства въ особенности. Была составлена программа для этого изданія. Дмитрій Александровичъ назначалъ на расходы печатанія 500 р., и мы разсчитали, что по крайней мѣрѣ типографскій расходъ долженъ непремѣнно окупиться.

Съ программою мы рѣшили прежде всего идти къ графу Сергѣю Григорьевичу Строганову, такъ какъ онъ хорошо былъ знакомъ съ Дмитріемъ Александровичемъ, а я у графа служилъ дѣлопроизводителемъ въ Высочайше учрежденномъ комитетѣ для изданія „Древностей Россійскаго Государства“. Но главное, почему слѣдовало идти къ графу, это былъ его авторитетъ, какъ любителя и знатока искусства и покровителя художественнымъ дѣламъ.

Когда я представилъ ему нашъ проектъ, графъ, коренной западникъ въ своихъ воззрѣніяхъ, раскритиковалъ его на томъ главномъ основаніи, что, по его мнѣнію, никакого русскаго искусства до реформы Петра не могло существовать, что если и есть какіе-либо достойные памятники, то всѣ они воспроизведены иностранными мастерами. „Я не понимаю“, говорилъ графъ,—„о какомъ искусствѣ вы будете писать. Тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе. Я совѣтую вамъ оставить это предпріятіе“, окончилъ графъ. Спорить было трудно. Онъ имѣлъ въ виду высоты художественнаго творчества, а мы въ своихъ соображеніяхъ объ исторіи искусства стояли на низинахъ перваго начала художническихъ работъ, съ чего начинается сама исторія.

Холодъ, напущенный на наши мечты критикою графа Сергѣя Григорьевича, заставилъ насъ повнимательнѣе обсудить наше предпріятіе, и мы по неволѣ убѣдились не въ отрицаніяхъ графа, а въ томъ важнымъ обстоятельствѣ, что завалимъ себя непосильною срочною работою, которую, пожалуй, не сумѣемъ и выполнить. Тѣмъ дѣло и кончилось. Заготовленные Дмитріемъ Александровичемъ переводы біографій нѣкоторыхъ художниковъ изъ сочиненія Вазари остались безъ употребленія. Но это не исполненное предпріятіе указывало только на то, что накоплявшіяся свѣдѣнія и собираемые матеріалы требовали какого-либо выхода.

Собранный мною матеріалъ для исторіи иконописи я сталъ тогда (въ началѣ 1850 года) печатать во „Временникѣ Общества Исторіи и Древностей“ (№ 7 1850 г.). Въ апрѣлѣ того же 1850 года Дмитрій Александровичъ отправился въ Петербургъ со спеціальною цѣлью осмотрѣть и изучить тамошнія коллекціи гравюръ. Пользуясь случаемъ, я просилъ его списать въ Публичной Библіотекѣ посланіе изографа Іосифа къ иконописцу Ушакову объ иконномъ письмѣ, а кстати купить мнѣ Никоновскую лѣтопись. Въ маѣ я получилъ отъ него письмо, которое да послужитъ живымъ свидѣтелемъ того, съ какою неутомимостію онъ предавался своимъ изысканіямъ. „Вчера“, писалъ онъ, — „окончилъ я занятія въ Публичной Библіотекѣ. Теперь переселяюсь въ Румянцовскій Музеумъ. На прошедшей недѣлѣ былъ на рынкѣ. Книгъ столько, что глаза разбѣгаются. Накупилъ себѣ цѣлый возъ по художественной части, и въ томъ числѣ 8 огромныхъ фоліантовъ „Museum Florentinum“ и „Орлеанскую Галлерею“. Журналовъ бездна. Никоновской лѣтописи не нашелъ, а заказалъ ее принести мнѣ на домъ. Обѣщали отличный экземпляръ въ кожаныхъ корешкахъ за 9 руб. сер. Печатайте живѣе иконописные матеріалы. Впрочемъ, изъ Ушаковскихъ погодите тискать до моего пріѣзда. Я напомню графу (С. Г. Строганову) объ его намѣреніи (издать Лицевой Подлинникъ, ему принадлежавшій). Не надо отбивать у него охоты отъ изданій. Разсужденіе объ иконописи Ушакова я уже списалъ. Ровно три недѣли я выхожу изъ дому въ 10 утра и возвращаюсь въ 10 вечера. Два дня въ недѣлѣ смотрю галлереи и таскаюсь по окрестностямъ. Остальное время кончу надъ рукописями. Какъ бы вы думали, что я нашелъ здѣсь въ собраніи княгини Бѣлосельской? 12 огромныхъ томовъ, въ которыхъ собраны Олсуфьевымъ русскіе эстампы. Я описываю ихъ по вечерамъ и кончу дня черезъ два. Много любопытнаго нашелъ по этой же части въ Академіи Художествъ и Эрмитажномъ собраніи эстамповъ. Довольно собралъ свѣдѣній о русскихъ граверахъ отъ Уткина, Іордана и др. Прощайте. 26-го ѣду въ Новгородъ до 30-го“.

Но охотясь безъ устали за эстампами, онъ не пропускалъ случая пополнять свои свѣдѣнія и о древней иконописи и писалъ мнѣ въ другомъ письмѣ, что по части иконописи сдѣлалъ кое-какія новыя открытія и тутъ же просилъ сказать Егору Ивановичу Маковскому, большому любителю и собирателю эстамповъ, отцу славныхъ худож-

никовъ, что привезетъ съ собой цѣлую папку эстамповъ. Это была любезная вѣсть охотника-любителя къ своему собрату по охотѣ о сдѣланной богатой жатвѣ.

Въ томъ же 1850 году, въ самое время пребыванія Дмитрія Александровича въ Петербургѣ, Русское Археологическое Общество обнародовало объявленіе о трехъ задачахъ на соисканіе премій. Задачи были слѣдующія:

1) О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII; столѣтія въ отношеніи къ искусствамъ, художествамъ и ремесламъ; срокъ годовой.

2) О русскихъ народныхъ одеждахъ до конца XVII столѣтія; срокъ двугодовой.

3) Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII столѣтія; срокъ двугодовой.

Нельзя было встрѣтить лучшаго побужденія къ работамъ, какое представили намъ эти задачи. Онѣ прямо попадали въ цѣль, на готовую къ дѣлу почву. Хотя и очень стѣсненный короткимъ срокомъ, я успѣлъ написать отвѣтъ на первую задачу. Дмитрій Александровичъ принялся за разрѣшеніе третьей задачи — объ иконописаніи.

Легко́ было задать такую задачу, но выполнить ее съ достойною основательностію могъ только Дмитрій Александровичъ Ровинскій. Никто не былъ такъ подготовленъ къ этому дѣлу, какъ Дмитрій Александровичъ. Прилежное изученіе гравюры доставляло ему правильный способъ изучать и иконописаніе, гдѣ также необходимо было слѣдить, какъ въ гравюрѣ, за штрихами, за всѣми чертами иконнаго письма въ родѣ озорочковъ, движекъ, гвентовъ, оживокъ, пробѣловъ и т. п., такъ что въ этомъ отношеніи каждая икона представляла своего рода гравюру, и слѣдовательно, для Дмитрія Александровича какъ бы знакомый предметъ изслѣдованія. Однако, чтобъ изучить древнюю иконопись и къ тому еще раскрыть въ ней различіе въ школахъ, надо очень внимательно всматриваться въ иконное письмо. А какъ это было дѣлать, когда всѣ значительныя иконы въ соборахъ и церквахъ покрыты и донынѣ по большей части безобразно чеканными ризами, за которыми скрывается достопамятное письмо?

Въ первое время и я сопутствовалъ Дмитрію Александровичу въ осмотрѣ и изученіи такихъ иконъ. Представлялись непобѣдимыя за-

трудненія. Ни одной иконы не возможно было разсмотрѣть какъ слѣдовало, а къ тому и причетники смотрѣли на насъ очень подозрительно, совсѣмъ не понимая, съ какою цѣлью мы подступаемъ къ иконамъ. Главнѣйшимъ и важнѣйшимъ источникомъ въ этомъ отношеніи послужили старообрядческія собранія иконъ, въ которыя тоже безъ затрудненій невсегда можно было проникнуть.

Но изумительная энергія и настойчивость Дмитрія Александровича во всякомъ дѣлѣ, какое онъ бралъ въ свои руки, побѣждали съ успѣхомъ встрѣчавшіяся препятствія. Съ неутомимостью завзятаго охотника онъ дѣлалъ свои поиски по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оказывалось какое-либо собраніе иконъ или находилась икона, прославленная своимъ письмомъ. Москва въ этомъ отношеніи представляла обширное поприще и великія сокровища. Очень полезны и важны были и показанія опытныхъ собирателей и хранителей иконъ, посвящавшихъ изыскателя въ таинства иконной техники. Но конечно, Дмитрій Александровичъ не могъ ограничиться одною Москвою. Онъ снова побывалъ и въ Новгородѣ, и во всѣхъ другихъ городахъ, славившихся своими иконами и особенностями иконописанія. Вездѣ его изслѣдованія проводились съ удивительною методичностью. Каждую достойную примѣчанія икону онъ тщательно измѣрялъ и записывалъ ея мѣру, съ подробною характеристикою письма. Съ нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ иконъ онъ заказывалъ дѣлать точныя прориси и платилъ за нихъ по 25 р. за листъ, такъ что съ расходами на поѣздки по городамъ его издержки навѣрное превысили назначенную отъ Общества премію (400 р.) по крайней мѣрѣ въ пять разъ, если еще не больше.

Составилось обширное изслѣдованіе, въ которомъ каждое слово заявляло или о новыхъ, до того времени совсѣмъ неизвѣстныхъ фактахъ, или о точныхъ и твердыхъ указаніяхъ на факты, хотя уже и извѣстные, но неправильно толкуемые. Къ изслѣдованію Дмитрій Александровичъ присовокупилъ столь же обширный атласъ старыхъ и новыхъ прорисей съ иконъ, 43 рисунка и 10 снимковъ съ подписей иконописцевъ.

Изслѣдованіе было увѣнчано премією съ большою похвалою нѣкоторымъ его отдѣламъ (Записки Императорскаго Русскаго Общества, т. V, вып. 2 и 3) и напечатано въ 1856 году въ VIII-мъ томѣ „Записокъ Общества“, но въ опустошенномъ до крайности видѣ и безъ рисунковъ.

Опустошеніе произведено отчасти по цензурнымъ надобностямъ, но также и чьимъ-то произволомъ, позволявшимъ себѣ не только неумѣрно сокращать, но и по-своему передѣлывать текстъ изслѣдованія. Основная мысль, вызвавшая эти искаженія, по видимому, заключалась въ томъ, чтобы скрыть, устранить съ поля научныхъ свѣдѣній фактическія данныя, приводимыя авторомъ о заимствованіи нашею иконописью рисунковъ у западныхъ извѣстныхъ мастеровъ и вообще о раскрывающихся нѣкоторыхъ соотношеніяхъ нашей иконописи съ западною. Затѣмъ, по той же мысли оказалось необходимымъ устранить съ поля извѣстности иконы и имена ихъ владѣльцевъ, принадлежавшія старообрядцамъ, что и показывало, что въ этомъ случаѣ наука должна была потерпѣть тѣсноту отъ политическихъ соображеній. Вотъ причины, почему изслѣдованіе, доставленное авторомъ на обсужденіе въ маѣ 1852 года, увѣнчанное премію 28-го декабря того же года, было напечатано только спустя четыре года, въ маѣ 1856 года.

Когда было напечатано мое изысканіе о металлическомъ производствѣ, я усердно просилъ Дмитрія Александровича написать критическій разборъ моего сочиненія, зная, что у него есть достаточно новыхъ свѣдѣній по этому предмету. Разборъ былъ написанъ и при моемъ посредничествѣ помѣщенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1853 года (августъ). Это была первонапечатанная статья Дмитрія Александровича, первый его журнальный трудъ. Напечатавши эту статью, А. А. Краевскій писалъ ко мнѣ: „Прошу г. Ровинскаго подѣлиться съ „Отечественными Записками“ тѣми матеріалами, которые есть у него для исторіи художествъ въ Россіи. Онъ меня этимъ очень обяжетъ. Пусть начнетъ со статьи о первомъ времени нашей Академіи Художествъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“ (октябрь 1856 года). Такъ и исполнилось: новая статья съ тѣмъ заглавіемъ была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1855 года (октябрь).

Было упомянуто, что наши странствованія вызывались сколько желаніемъ поизучить на мѣстѣ разнородные памятники старины, столько же, если еще не больше, страстью къ путешествіямъ и вообще любовью къ природѣ. Въ разговорахъ во время этихъ прогулокъ мы часто останавливались на мысли, какъ было бы хорошо *сѣсть на землю*, имѣть свою собственную небольшую землицу и обработывать

ее по крестьянски, разводя и пашню, и садоводство, и огородничество. Деревенское житье намъ очень нравилось.

Матушка Дмитрія Александровича, Анна Ивановна, владѣла имѣніемъ Дѣдово верстахъ въ 50 отъ Москвы по Волоколамской дорогѣ. Раза два или три въ лѣто мы ходили туда, конечно, всегда пѣшкомъ и уже непремѣнно ко дню именинъ Анны Ивановны, 25-го іюля. Однажды въ этотъ день, за обѣдомъ, расхваливая житье въ деревнѣ и критикуя нѣкоторые недостатки въ хозяйствѣ матушки, Дмитрій Александровичъ высказалъ, что еслибъ у него было свое хозяйство, онъ повелъ бы дѣло иначе. „Возьми себѣ пустошь Турсуново“, сказала Анна Ивановна,—„и хозяйничай по своему. Я посмотрю, что изъ тебя выйдетъ“. Пустошь Турсуново находилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дѣдова, была покрыта мелкимъ лѣсомъ, земля безплодная, пустынная безъ воды, доставлявшая всего нѣсколько возовъ тощаго сѣнного покоса. „Сдѣлайте одолженіе“, отвѣтилъ Дмитрій Александровичъ, и дѣло состоялось. На возвратномъ пути въ Москву мы прежде всего пошли на эту пустошь, осмотрѣли вдоль и поперекъ мѣстность пустынную, неприглядную, съ трудомъ выбрали мѣсто, гдѣ возможно было основать жилище. Дѣло закипѣло. Новый хозяинъ построилъ нельзя сказать чтобъ избу, а небольшую комнату съ сѣнцами и покрылъ ее на одинъ скатъ, такъ что постройка представляла половину крестьянской избы безъ двора. Весною распахана была десятина подъ овесъ. Запруженъ былъ въ ложбинѣ небольшой прудокъ, разведенъ огородецъ. Новый хозяинъ самъ работалъ въ огородѣ, самъ испробовалъ, какъ пашутъ, но конечно, все это производилъ нанятой крестьянинъ изъ ближней деревни, который былъ и сторожемъ жилища, походившаго вообще на хижину пустынника. Не одинъ разъ мы приходили и не заставали никого въ этомъ жилищѣ. По пустынности мѣста оно и безъ должной охраны оставалось цѣлымъ. Самое дорогое — въ немъ былъ самоваръ съ простымъ чайнымъ и столовымъ приборомъ да мебель деревенской работы. Овесъ родился плохо, едва сѣмена возвращались, но Дмитрій Александровичъ на вопросы матушки, какъ у него вышелъ овесъ, увѣрялъ серьезно, что самъ-четвертъ, и возбуждалъ тѣмъ хозяйскую ревность въ матушкѣ.

Первый опытъ сидѣнья на своей землѣ не былъ особенно привлекателенъ и по неудобной мѣстности, а больше всего по отдаленности отъ Москвы, что при служебныхъ обязанностяхъ Дмитрія Алексан-

дровича очень препятствовало дальнѣйшему ходу дѣлъ по устройству этой дачи.

Какъ сказано, первыя весеннія наши прогулки направлялись въ Кунцово и, конечно, въ его окрестности, повсюду очень живописныя. Впослѣдствіи, въ 1851 году, я даже поселился вблизи Кунцова на дачѣ въ деревнѣ Давыдковѣ на рѣкѣ Сѣтуни, куда прихаживалъ и Дмитрій Александровичъ съ братьями Николаемъ и Владиміромъ Александровичами. На этой рѣчкѣ, версты на двѣ выше Давыдкова, за дачею Жуковкою, находилась живописная пустошь съ небольшимъ лѣскомъ изъ молодого березника, гдѣ мы нерѣдко отдыхали въ своихъ прогулкахъ, разсуждая иногда, какъ бы хорошо на этомъ мѣстѣ сѣсть на землю, устроить дачу. Черезъ нѣсколько лѣтъ Дмитрій Александровичъ дѣйствительно купилъ это мѣсто и устроилъ превосходнѣйшую дачу. Мѣсто было тоже безплодное, содержавшее наносный гравій и глину. Кромѣ огородничества и пашни, здѣсь онъ совсѣмъ погрузился въ садоводство и цвѣтоводство. Земля въ его рукахъ подверглась той же неустанной работѣ, какъ и матеріалы для ученыхъ изслѣдованій.

Для огорода и особенно для цвѣтоводства требовалась вода въ значительномъ количествѣ поближе къ саду, чѣмъ отстояла отъ него рѣка Сѣтунь. Онъ на взгорьѣ выкопалъ прудъ, въ которомъ вода устоялась только на глубинѣ двухъ или трехъ саженъ. Землею отъ пруда онъ засыпалъ низменный поемный берегъ рѣки, гдѣ такимъ образомъ устроилось поле для посѣва ржи и овса. На площадкѣ передъ домомъ онъ развелъ великое количество прекрасныхъ розъ, но послѣ оказалось, что на это мѣсто свирѣпо дулъ почти постоянный для московской мѣстности западный вѣтеръ, весьма вредно дѣйствовавшій на растенія. Заборомъ огородить это мѣсто не было красиво. Дмитрій Александровичъ огородилъ его высокимъ земляным валомъ въ родѣ горы, изъ того же пруда, засадилъ его деревьями, перекинулъ каменные мостики черезъ проходы въ валу, въ овражкѣ устроилъ кирпичные гроты и при нихъ фонтаны и такъ преобразилъ всю мѣстность, что противъ прежняго и узнать ее было не возможно. Каждое лѣто онъ проживалъ на этой дачѣ долгое время.

Съ нѣкоторыми сѣтунскими жителями, полезными ему по садоводству и хозяйству, онъ былъ коротко знакомъ, и потому, когда мимо ихъ домовъ везли его печальный гробъ, они, по тамошнему обы-

чаю, останавливали шествіе у своихъ воротъ съ просьбой отслужить литію по дорогомъ покойникѣ; оттого шествіе двигалось очень медленно, останавливаясь почти у каждаго дома. Прахъ его теперь покоится рядомъ съ прахомъ его друга Николая Дмитріевича Ахшарумова, среди излюбленныхъ имъ мѣстъ, у сельской церкви Спаса на Сѣтуни, которая съ его дачи всегда виднѣлась и красовалась посреди окружающей ее лѣсной растительности.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1896 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).